

ПУТИ МЕДИЕВИСТА В СССР

Ю. Л. Бессмертный

У нас нет текста, написанного Ю. Л. Бессмертным (1923–2000) непосредственно в жанре ego-histoire: он не успел, а в какой-то момент (когда выходил «Одиссей. 1992») и не счел нужным, это сделать. Но думал об этом много. Мы публикуем здесь один из текстов, ставших результатом таких размышлений¹, – дополнительную лекцию к курсу, прочитанному Ю.Л. в Коллеж де Франс в 1989 г., а также некоторые вступительные замечания к этому курсу в целом. Полностью лекции Ю.Л. вышли в 1991 г. отдельной книжкой во Франции². По-русски же они не публиковались, да и французское издание, насколько я могу судить, не слишком известно российскому читателю. Основной сюжет книги получил гораздо более полное развитие в вышедшей несколькими месяцами спустя, в том же 1991 г., монографии Ю.Л. «Жизнь и смерть в средние века», и естественно, что более краткий французский аналог не вызывал у коллег особого интереса. О присутствии в нем текста на совсем другую тему трудно было догадаться. Да и был бы он интересен тогдашнему нашему читателю, которому, как можно предположить, все это было хорошо известно и казалось бы банальным? Ведь этот рассказ о советской медиевистике определенно рассчитан на западного слушателя, тогда еще мало что знавшего о судьбах историков в СССР. Да и чем оправдана эта публикация сейчас?

То была совсем другая эпоха – и в стране, и в медиевистике, и в судьбе самого Ю.Л. Он и сам в июле 1991 г. (т.е. еще до августовских событий и еще в другой стране – в СССР) в предисловии к французской книжке – всего лишь два года спустя после поездки – пишет: «Два года прошло с тех пор, как я выступал с этими лекциями. Это кажется ничтожно малым, и все же, для нашей страны в этот момент – это почти вечность: события, идеи, оценки «свистят как пули у виска», если использовать слова из нашей популярной песни. Вот почему по очень многим вопросам я бы уже не сказал сегодня того, что говорил в 1989 г. Это касается, прежде всего, некоторых оптимистических суждений, которые я позволил себе тогда высказать относительно будущего нашей страны. Все оказалось гораздо более сложным. Но «что сказано – то сказано»: мои тогдашние убеждения являются, в некотором смысле, свидетельствами из прошлого. По этой причине я предпочел ничего не менять в тексте, написанном в начале 1989 г., который ка-

¹ См. также его собственную небольшую публикацию из личного архива: *Бессмертный Ю. Л.* 22 июня 1941 года. Из дневниковых записей // *Одиссей* 1993. М., 1994. С. 232–239. Несколько других выступлений Ю.Л., близких по жанру к предлагаемому здесь, будут опубликованы в сборнике, посвященном его памяти – «Homo Historicus», готовящемся к печати.

² *Bessmertny Y. La vision du monde et l'histoire démographique en France aux IXe–XVe siècles. Quatre leçons au Collège de France, Mars 1989. Préface de George Duby. P., 1991. P. 59–80, 10–13.*

сался некоторых аспектов научной жизни в СССР. Зачем уничтожать это свидетельство наших надежд, и прежде всего – моих собственных?...»³

Но это была другая эпоха не только в отношении «меры оптимизма» в мироощущении Ю.Л. Речь шла еще о советской – а не о российской медиевистике. История ментальностей и культуры (чаще всего, в ее системном, детерминистском понимании) казалась еще многим и за пределами нашей страны доминирующим направлением исторической мысли – а у нас – быть может, единственной (или одной из очень немногих) альтернативой официальной и официальной гуманитарной науке. Еще – трудно себе представить! – не вышел «Одиссей», журнал лишь незадолго до того был задуман Ю.Л., обратившись с этой идеей к ближайшим друзьям и коллегам-соратникам, в первую очередь – к А. Я. Гуревичу (только его и можно было представить себе главным редактором этого альманаха) и Л. М. Баткину⁴ (а множества разноликих и свободных гуманитарных журналов, к смене которых на нашем горизонте мы привыкли за последние 13 лет, попросту не существовало; да и множества книг, и в частности переводов трудов ведущих западных историков, еще не было у нас издано). Еще не произошло и разрыва дружбы с А.Я., связывавшей их многие годы, – пожалуй, самого трагического события в последние десять лет жизни Ю.Л. Еще не наступила пора «второй молодости»⁵ Ю.Л.: пора переосмысления предложенных им подходов в демографической истории в русле истории частной жизни и индивида⁶, пора обращения к проблеме уникального и «казусного» в истории, размышлений о соотношении микро- и макроподходов в историческом исследовании⁷, о «фрагментации» исторического знания и «многоликости» истории – иными словами, пора переинтерпретации тех эпистемологических принципов, которые утверждают им в публикуемой здесь лекции, в направлении все большей субъективации предмета и методов исторических изысканий. Еще нельзя было представить себе «Казус» – новый альманах, им основанный, и отразивший эти поиски⁸. Ведь еще и не сложилась вокруг Ю.Л. группа молодых (и не очень молодых) ученых, эти поиски подхвативших, и не было еще объединявшего их семинара по «Истории частной жизни и повседневности», работа которого легла в основу новых изданий, и «Казуса» в частности. Число учеников было еще очень небольшим – в основном лишь те, что входили в небольшую группу выпуска 1976 г., которую он вел на истфаке Горьковского университета (в вузах Москвы ему препода-

³ Bessmertny Y. La vision... P. 9.

⁴ Насколько помнится, именно он и предложил название «Одиссей».

⁵ Выражение Н. Е. Копосова. См.: *Koposov N. Yuri Bessmertny et la nouvelle histoire en Russie* // Сайт <http://ruthenia.ru>. (раздел personalia «Ю. Л. Бессмертный» или: <http://ruthenia.ru/document/453725.html>).

⁶ См., в частности, вышедшие под его редакцией труды: *Человек в кругу семьи. Очерки по истории частной жизни в Европе до начала нового времени*. М., 1996; *Человек в мире чувств. Очерки по истории частной жизни в Европе и некоторых странах Азии до начала нового времени*. М., 2000; *Человек и его близкие на Западе и Востоке Европы (до начала нового времени)*. М., 2000 (ред. совместно О. Г. Эксле).

⁷ См., в частности: *Историк в поиске. Микро- и макроподходы к изучению прошлого*. М., ИВИ, 1999; *Как писать историю. Французская историография в 1994–1997 гг.* М., 1998; а также статьи в «Казусе», особенно: *Многоликая история (проблема интеграции микро- и макроподходов)* // *Казус* 2000. М., 2000. С. 52–61.

⁸ «Казус. Индивидуальное и уникальное в истории (под ред. Ю. Л. Бессмертного и М. А. Бойцова)». Это издание продолжается и ныне.

вать не разрешали)⁹, и остались у него аспирантами. Еще не было написано новых статей по истории рыцарства, воплотивших эти новые подходы¹⁰, статей, которые должны были стать главами почти законченной к 2000 году книги «Рыцари, рыцарство, рыцарственность» – в 2000 г. ему оставалось лишь написать «Введение» – о традиционных и новых подходах в истории рыцарства – и «Заключение». В 1989-м все это лишь вызревало – и глядя теперь, ретроспективно, на написанный тогда текст, мы можем заметить эти зерна.

Не появилось еще тогда у нас и эссе в жанре *ego-histoire*, с которыми вскоре стали выступать, письменно и устно, его ближайшие друзья и коллеги, люди с той же студенческой скамьи и, в основном, тех же взглядов, А. Я. Гуревич, А. П. Каждан, Л. Т. Мильская...¹¹ В 1989 писать так было еще трудно: советские привычки требовали обобщенной, «объективной картины». Тем более это было сложно в ситуации, когда надо было представить западным коллегам советскую – но неофициальную медиавистику (советская-то – в собственном смысле слова – история была им относительно известна: и по контактам с теми, кто на Запад до этого выезжать мог, и по публикациям о ней¹²). Эти трудности видны по работе Ю.Л. над вступлением к его четвертой лекции, в его поисках обоснования избранного им частного ракурса для представления общей картины, по тому, как он старается избегать в этой лекции местоимения «я».

Все это, фактически, ставит меня перед вопросом, подобным тому, который он решал для себя (и решил отказом) в 1992: зачем публиковать то, что уже сказано другими, да еще и адресованное вовне российской аудитории? Ответ лежит, мне кажется, на поверхности. Дело не только в «свидетельстве из прошлого». За этим, казалось бы, общим описанием отчетливо слышен особый голос автора и видна его собственная судьба, как и «видение им его собственной науки». Представить эту судьбу и это видение и просили меня издатели этого выпуска ФЭ. С появлением «Казуса» это вряд

⁹ После скандала вокруг статьи Ю.Л. о феодальных формах зависимости крестьянства ему запретили преподавать и в Горьком. (См.: *Бессмертный Ю. Л.* Основные формы феодальной зависимости крестьянства в раннее средневековье // *Страны средиземноморья в эпоху феодализма*. Горький, 1975). Впрочем, некоторые продолжали учиться у него, формально числясь в аспирантуре под руководством более признанных университетской системой ученых.

¹⁰ В частности, см.: Вновь о трубадуре Бертроне де Борне и его видении простолудина. К проблеме расшифровки культурных кодов // *Одиссей* 1995. М., 1995. С. 140–150; Политические традиции средневекового рыцарства в свете исторической антропологии // *Политическая история на пороге XXI в.* М., 1995, с. 103–111; Это странное ограбление... // *Казус* 1996. М., 1997. С. 29–40; *Казус* Бертрона де Борна или «Хотят ли рыцари войны?» // *Казус* 1999. М., 1999. С. 131–147; Скорбь о близких в XII–XIII веках (по материалам англо-французской литературы) // *Человек в мире чувств*. С. 243–261; *Странное счастье рыцаря* // *Казус* 2002. М., 2002. С. 53–72.

¹¹ См., в частности: *Гуревич А. Я.* «Путь прямой, как Невский проспект», или исповедь историка // *Одиссей* 1992. М., 1994. С. 7–34; *Каждан А.* Трудный путь в Византию // Там же. С. 35–50; *Оболенская С. В.* О времени и о себе // *Одиссей* 1995. М., 1995. С. 221–243. Еще одна статья А. Я. Гуревича, также перекликающаяся (судя по известному мне его устному выступлению) с публикуемой лекцией Ю.Л., должна выйти вскоре в «Средних веках»; кроме того, он довольно много выступал с воспоминаниями устно, в частности в РГГУ. На те же темы выступала и Л. Т. Мильская.

¹² См. прим. 12 в публикуемом ниже тексте.

ли нуждается в оправдании. Что же касается далекого адресата этих лекций, то такое «отчуждение», быть может, помогло Ю.Л. подметить что-то, чего не было бы замечено в обращении к «своим». К тому же за эти годы у нас выросло поколение, которому описанное здесь, как можно, к счастью, надеяться, будет казаться столь же не банальным, сколь и парижской аудитории Ю.Л. 1989 года.

Еще несколько слов об избранном мною заглавии, «Пути медиевиста в СССР», и о работе с рукописью. «Пути», а не «путь» – потому что Лекция 4 (публикуемая здесь полностью), повествует, фактически, о том постоянном выборе среди многих и разных путей, который приходилось совершать Ю.Л. и каждому человеку того же круга, став историком в Советском Союзе; «медиевиста», а не «медиевистов» – чтобы обозначить ту соположенность индивидуального и общего, которая составляет, фактически, основную ткань этого рассказа.

Помимо Лекции 4, я включила в эту публикацию вступительные замечания Ю.Л. ко всему циклу (начало Лекции 1): здесь, подчинив рассказ тому, как будет выстроен этот лекционный цикл, Ю.Л., по сути дела, представляет нам свою научную автобиографию (да и некоторые штрихи автобиографии «личной») и обрисовывает ведущие проблемы его основных работ, написанных к тому времени, и избранные им подходы к их решению. Я сохранила эту структуру, дабы не разрушить цельность повествования.

Ю.Л. всегда много и тщательно редактировал свои тексты; между изданной по-французски книжкой и оригинальной русской рукописью нередко довольно существенные расхождения. К сожалению, он не сохранил русские оригиналы этой правки. Мне показалось нецелесообразным восстанавливать за него русский текст (в конце концов, с окончательным вариантом читателя ФЕ могут познакомиться и по-французски), поэтому я внесла эту правку (в обратном переводе с французского) лишь в тех случаях, когда она носила, с моей точки зрения, принципиальный по смыслу характер¹³.

Библиография, которую приводит Ю.Л., рассчитана, разумеется, преимущественно на читателя, не владеющего русским языком. Я лишь кое-где дополнила ее – когда речь шла о его собственных работах – русскими соответствиями.¹⁴

О. Ю. Бессмертная

¹³ Я признательна П. Ш. Габдрахманову за помощь в переводе терминов, приведенных в оригинальной рукописи по-французски.

¹⁴ Подробную библиографию его работ до 1992 г. см.: Одиссей 1993. М., 1994. С. 240–246; более полную – на сайте Ruthenia.ru. и самая полная библиография будет опубликована в сб. «Homo Historicus».

Мне хотелось бы начать с нескольких предварительных замечаний. Нужно ли говорить, что я считаю приглашение в Коллеж де Франс большой честью? Нужно ли говорить, как благодарен я Ассамблее профессоров Коллеж де Франс, и особенно профессору Жоржу Дюби за эту оказанную мне честь?

Моя благодарность тем более велика, что это приглашение позволило мне впервые увидеть Францию – страну, историей которой я занимаюсь всю жизнь и которую любил еще в детстве. Мне посчастливилось впервые услышать французскую речь еще в школьные годы. Это было 50 лет назад. В школе, где я учился, впервые в Москве стали тогда преподавать в качестве иностранного языка французский. Моей учительницей оказалась коренная француженка Юлия Воронцова, поселившаяся в России еще до Октябрьской революции. Она не очень хорошо владела русской речью, как и навыками преподавания. Но с каким трепетом и с какой любовью говорила она о родной Франции! Ей удалось передать эту любовь многим ученикам, включая и меня. Следует ли после этого удивляться, что когда, вернувшись с войны, я должен был выбрать в университете страну, историей которой буду заниматься, я выбрал Францию.

Мне повезло в жизни на учителей. Все они – профессор Неусыхин, академик Сказкин, профессор Люблинская – были настоящими учеными. Труды каждого из них переведены на западные языки. И все они поощряли мои занятия французским средневековьем. В московских условиях 40–50-х годов это было не слишком простым делом. Вовремя получить французские книги и французские журналы удавалось далеко не всегда. И тут фортуна еще раз улыбнулась мне. В библиотеку Академии Наук СССР в Москве в середине 50-х годов поступила книга Ж. Дюби «La société aux XIème et XIIème siècles dans la région maconnaise». Я прочитал ее с увлечением. Воспользовавшись «оттепелью», наступившей в моей стране после смерти Сталина, я смог послать тогда – это было 30 лет назад – отпечаток одной из первых моих статей автору этой книги. В ответ я стал иногда получать бесценные для меня новые французские публикации. С тех пор началось наше заочное знакомство с профессором Ж. Дюби.

Нет нужды говорить, что все эти годы я мечтал превратить наше знакомство из заочного в очное. Нужно ли объяснять, насколько нуждался я в посещении Франции для своей исследовательской работы? Обстоятельства не были благоприятны ко мне в этом отношении¹. Надежды увидеть при-

¹ Ю.Л. был, как тогда говорили, «невыездным»: ему не разрешали ездить за границу, тем более – в капиталистический мир. В ответ на одно из его обращений с просьбой о поездке по французскому приглашению для выступления с докладом, ему предложили: «Вы доклад напишите, а прочтет его кто-нибудь, кто поедет». Он ответил, что и сам читать умеет. – *О.Б.*

знанного мэтра медиевистики во время XIII Международного конгресса по историческим наукам, собравшегося в Москве после печально знаменитых чешских событий 1968 года², не оправдались: профессор Дюби был среди тех, кто отказался ехать в Москву в тот год³. Не реализовались и некоторые другие надежды увидеть его в СССР.

Что касается моего собственного приезда во Францию, то число не реализовавшихся возможностей было еще больше⁴. Потребовалась, однако, «перестройка», чтобы моя мечта могла сбыться. Надо ли после всего этого говорить, насколько я счастлив сегодня?

В то же время, к моей радости примешивается грусть. Слишком поздно сбываются мечты... Не ушел ли уже мой поезд?... Приличествует ли седовласому историку, всю жизнь изучающему французское средневековье, путаться во французских словах, коверкать язык и с усилием вспоминать «*comment faut-il le dire en français*»... Еще суровее мог бы быть приговор мне за вынужденный отрыв от французских архивов и библиотек, от французских научных центров, от живого общения с французскими коллегами. Все это побуждает меня не впадать в эйфорию. Я трезво оцениваю мои скромные возможности при чтении лекций в этих прославленных стенах. И тем не менее, *noblesse oblige*. Я начинаю...

Я хотел бы затронуть в предстоящих мне выступлениях несколько сюжетов. Перечислю их сейчас и объясню, как связаны они с моими собственными исследованиями.

Меньше всего объяснений нужно, видимо, чтобы оправдать тему «Состояние исследований по истории западноевропейского средневековья в Академии наук СССР». Я работаю в Институте истории АН СССР уже 31 год. Это ведущее наше научное учреждение в области истории. 21 год то-

² Эти события для Ю.Л., как и для большинства людей того же круга, стали настоящей, личной трагедией. Настроение у нас дома было тогда очень мрачным (мы с Ириной Михайловной как раз вернулись из летнего отпуска и нашли Ю.Л., хоть и обрадовавшегося, конечно, нашему возвращению, почти в отчаянии). Помимо возмущения вмешательством в судьбу иной страны и боли за нее, это вызывало самые пессимистические ожидания (вполне оправдавшиеся, как видно хотя бы из этой публикации) и в отношении ситуации в Москве: ведь это было наглядным подтверждением того, что «оттепель» закончилась. А изменения такого рода напрямую сказывались на свободе творчества – то, что ЮЛ ощущал всегда предельно остро. Конгресс по историческим наукам, о котором идет речь, происходил в 1970 г. – *О.Б.*

³ Во французском тексте Ю.Л. добавляет: «Но его доклад “Структуры семьи в Западной Европе в средние века” обсуждался на конгрессе, я участвовал в этом обсуждении и это стало для меня одной из первых возможностей обратиться к проблемам истории семьи и демографического развития». (*Bessmertny Y. La vision... P. 11*). – *О.Б.*

⁴ Я не могу не поблагодарить сегодня всех тех, кто удостоивал меня в прошедшие годы любезных приглашений приехать во Францию. Назову среди них, в частности, Ф. Броделя, Э. Р. Лабанда, бывшего руководителя Центра высших исследований средневековой цивилизации, и конечно же – Ж. Дюби.

му назад от этого института отделился Институт всеобщей истории. В этом Институте, где я продолжаю работать и сегодня, исследуют наиболее общие и широкие проблемы всех периодов прошлого, и в частности, западноевропейского средневековья. Этот институт – единственное в СССР научное учреждение, где есть *специальные* отделы, разрабатывающие вопросы истории средневековья. В последние годы в этих отделах стали изучать некоторые новые проблемы. Я предполагаю рассказать об этих новых тенденциях и об истории их формирования в моей последней лекции [...].

Одно из моих выступлений я хотел бы посвятить некоторым аспектам восприятия французского рыцаря в XII–XIII вв.⁵ Эта тема выросла из моего давнего увлечения историей французского рыцарства. Дело в том, что как и некоторые другие историки, интересующиеся сегодня социальной историей (в самом широком ее смысле), я начинал с аграрных штудий. Тема моей первой диссертации – аграрные отношения в Лотарингии XII–XIII вв. Написанная еще в 50-е годы, эта работа была посвящена, прежде всего, крестьянам. Ее базой были лотарингские чинсовые описи (Прюмский полиптик 893 г., полиптик аббатства Св. Максимиана Трирского, чинсовая опись Бузонвильского аббатства и др.). Уже тогда я пытался, однако, уделить специальное внимание и тем, кто стоял *над* крестьянами.

Более специально стал я изучать знать, рыцарство, аристократию в 60-е годы. Я опубликовал тогда книгу «Феодальная деревня и рынок в XII–XIII вв.» (отрецензированную Р. Фоссье в «Анналах» за 1971 г)⁶. Я использовал в ней такие широко известные памятники из области между Рейном и Сеной, как кутюмы (кутюмы Бовези, Люксембургские кутюмы, древняя кутюма Шампани и т.д.), картулярии, списки вассалов, описи феодалов, как и чинсовые описи, коммунальные хартии и др.⁷ В этой работе я стремился понять социальную структуру тогдашних классов и в первую очередь господствующих слоев. Особенно мне хотелось уяснить, насколько тесна была связь их социальной структуры с наследственными юридическими и

⁵ Этот план впоследствии изменился: все три лекции были посвящены исторической демографии средневековой Франции (о своем увлечении которой, ЮЛ замечает, что она «не была его первой любовью» – *Bessmertny Y. La vision...* P. 12), а сюжет о рыцаре, предельно сокращенный и подчиненный более широким вопросам, вошел в публикуемую здесь четвертую лекцию. – *О.Б.*

⁶ *Annales*. 1971. № 6. P. 1305–1306.

⁷ Отказавшись в лекциях и во французском издании от рыцарского сюжета, ЮЛ. отмечает зато другой аспект, относящийся к определению места «Деревни и рынка» в его научной биографии. Описав источниковую базу книги, он говорит: «это было для меня в некоторых отношениях подготовительной работой к моим демографическим исследованиям» (*Bessmertny Y. La vision...* P. 13). И все же, сегодня можно, пожалуй, сказать, что тема «рыцари, рыцарство, рыцарственность» оставалась всегда его главным пристрастием, в каком бы направлении он ни работал. – *О.Б.*

политическими градациями, с одной стороны, а, с другой стороны, – с экономической перестройкой XII–XIII вв.

Имея в виду моих русских читателей, я стремился продемонстрировать перед ними невозможность понять средневековое общество, проецируя на него образ экономических классов нового времени. Кроме того, мне было важно опровергнуть один из расхожих в то время в моей стране штампов – представление о западноевропейском рыцаре как о безусловном злодее, бессовестном наживале, напоминавшем русских помещиков начала прошлого века. Если же говорить более современно, в работах 60-х годов я ограничивался характеристикой северофранцузского рыцаря, так сказать, «извне».

Сегодня это кажется уже некоторым атавизмом. Гораздо больше современных медиэвистов привлекает характеристика собственного восприятия средневекового человека, его облик, так сказать, «изнутри» – *von innen*, как говорят немцы. Этот ракурс представлен в ряде моих работ⁸. Тот же ракурс мне хотелось бы осветить и в лекции «Крестьянин глазами рыцаря в Северной Франции XII–XIII вв.».

Что касается сегодняшнего и ближайших моих выступлений, то они будут посвящены сюжету, который больше всего волновал меня в 80-е годы и продолжает волновать сегодня. Коротко говоря, речь идет о взаимодействии между демографическим поведением и демографическими процессами в средневековой Франции.

Остановлюсь на этом подробнее. Успехи исторической демографии за последние 40 лет нет нужды доказывать. Именно Франция, именно Париж стали, как известно, колыбелью этой новой науки. Находясь в Москве, я с огромным интересом следил за замечательными работами Л. Анри, М. Флери, Ж. Дюпакье, Ж. Н. Бирабана, Р. Фоссье, П. Тубера, Э. Леруа-Ладюри, К. Клапиш-Зубер и многих других.

Меня особенно прельщает одна из характерных тенденций, постепенно вызревающая в этой новой исторической демографии. Я имею в виду тенденцию к превращению исторической демографии в одно из связующих звеньев между историей общества и историей ментальных структур. Об этой возможности справедливо упоминает профессор Дюби, в частности, в предисловии к разделу о средневековой семье в известном двухтомнике «История семьи»⁹. Эта тенденция в исторической демографии реализуется благодаря параллельному освещению в ней демографических представлений, демографического поведения, демографических процессов и взаимосвязи всех этих явлений с социальными и экономическими структурами. Под демографическими представлениями я имею в виду представления о

⁸ См. примеч. 25.

⁹ A. Burguiere, Ch. Klapich-Zuber, M. Segalen, Fr. Zonabend, *L'histoire de la Famille*, t. 1, P., 1986, p. 273–274.

браке, семье, женщине, ребенке, старости, болезни, смерти. Под демографическим поведением я имею в виду реализацию этих представлений в конкретной практике разных социальных групп. Под демографическими процессами я подразумеваю объективные процессы движения населения в результате конкретного соотношения брачности, рождаемости и смертности.

К сожалению, если я не ошибаюсь, эта тенденция исторической демографии реализуется пока что преимущественно в исследованиях Старого порядка. По отношению к средневековью она осуществляется реже. Суть моего замысла состоит как раз в том, чтобы реализовать эту тенденцию применительно к истории Франции IX–XV в.

Лекция 4

[О некоторых современных течениях в изучении западноевропейского средневековья в АН СССР]¹⁰

Видение прошлого, которое присуще историку, всегда в той или иной мере отражает и видение им его собственной науки. В этом смысле понимание средневекового мира, воспроизведенное современным медиевистом, есть до некоторой степени и отражение его представлений о целях, задачах и возможностях той медиевистической школы, к которой он сам принадлежит. Соответственно, мои предыдущие лекции имплицитно отражают состояние советской медиевистики и в первую очередь того его крыла, к которому я в ней принадлежу. Чтобы дать более эксплицитное представление о нашей медиевистике и, особенно, о том ее направлении, которое связано с изучением общественного сознания, остановлюсь подробнее на некоторых наиболее принципиальных особенностях нашего подхода к изучению прошлого.

В первую очередь я хотел бы коснуться вопросов, затрагивающих эпистемологические проблемы истории. И, в особенности, прояснить процессы самого последнего времени. Речь идет, разумеется, о времени перестройки. Для советских историков это воистину поворотное время. Я уверен, что все присутствующие уже так или иначе знают об этом. Я надеюсь, однако, что присутствующим будет, тем не менее, небезынтересно познакомиться с некоторыми конкретными сведениями об этих процессах на примере советской медиевистики.

¹⁰ Ю.Л. назвал эту лекцию просто «ANNEXE» (ведь она не совпадает прямо с основной темой лекций) – но он придавал ей, вместе с тем, пожалуй, особенное значение. Я сформулировала название, исходя из того, как он сам, в других местах книги, обозначал ее содержание. При этом внешний контраст между темой – *современным* состоянием медиевистических исследований – и обращением автора к давним временам призван подчеркнуть его позицию, заявленную здесь: это современное состояние можно понять только на фоне истории советской медиевистики. – *О.Б.*

Изменения в ней идут неравномерно, захватывают не все сферы, носят частичный характер. Но они происходят. Я хотел бы поделиться моими собственными наблюдениями на этот счет. Естественно, что они сугубо субъективны. Вполне возможно, что многие мои коллеги не согласились бы со мной ни по существу моих наблюдений, ни по отбору сюжетов, которых я собираюсь коснуться. Известно, однако, что всякая объективная картина вырастает из совокупности субъективных набросков¹¹.

Чтобы осмыслить происходящие в нашей медиевистике перемены, мне придется начать издалека: я должен коснуться некоторых фактов из истории изучения западноевропейского средневековья в старой России.

Это изучение имело неплохие традиции. Не случайно, в первые десятилетия нашего века на Западе знали немало имен русских медиевистов. Многие из них подолгу жилали в Англии, Франции, Германии, Италии, читали здесь лекции, писали книги. Их работы, не так уж редко издавались в этих странах. Назову в этой связи Максима Ковалевского, Павла Виноградова, Николая Кареева, Ивана Лучицкого, Дмитрия Петрушевского¹². Некоторые из русских медиевистов создали на Западе даже свои школы. Так специалисты по английскому средневековью вероятно знают имя профессора Оксфорда Павла Виноградова; его работа «Villainage in England», изданная в 1892 г. в Оксфорде, долгое время считалась классикой. Это же касается и работы Д. Петрушевского о восстании Уота Тайлера, трудов М. Ковалевского.

Наиболее, пожалуй, была известна на рубеже XIX–XX вв. русская аграрная школа. Названные только что историки – все являются авторами исследований по аграрной истории средневековой Западной Европы. Быть может, менее представительна, но, тем не менее, весьма весома и русская дореволюционная школа историко-культурных исследований. Во всяком

¹¹ Нередко под характеристикой национальной историографии понимают обзор изучаемых проблем и опубликованных исследований. Такого рода обзоры уже имеются по отношению к советской медиевистике. Они публикуются почти к каждому Международному Конгрессу исторических наук. Последний из них был опубликован накануне Штутгартского Конгресса в 1986 г. Он вышел по-английски и потому доступен всем интересующимся. Он, правда, не слишком полон, и на мой взгляд, не слишком объективен. Но общую ориентировку он дает. Это позволяет мне сегодня сосредоточиться лишь на отдельных вопросах.

¹² *Kowalewsky M.* Die ökonomische Entwicklung Europas bis zum Beginn der kapitalistischen Wirtschaftsform. Berlin, 1901–1914. 7 vol.; *Idem.* La France économique et sociale à la veille de la Révolution. Les campagnes. P. 1909; *Vinogradoff P.* Villainage in England. Essays in English Medieval History. Oxford, 1892; *Idem.* The Growth of the Manor. L., 1905; *Kariew N.* Les paysans et la question paysanne en France dans le dernier quart du XVIIIe siècle. P., 1899; *Louchitski I. V.* La petite propriété en France avant la Révolution et la vente des biens nationaux, P., 1897; *Idem.* La propriété paysanne en France à la veille de la Révolution, principalement en Limousin, P., 1912.

случае вплоть до 20-х–30-х годов на Западе печатались жившие в России Роберт Виппер, Ольга Добиаш-Рождественская, Лев Карсавин¹³.

Что произошло с традициями дореволюционной русской медиевистики в 20–30-е годы? Было бы неверным думать, что они бесследно исчезли. Известную жизнеспособность обеспечивала им уже относительная удаленность от злободневных политических проблем того времени. Кроме того, нельзя забывать еще об одном обстоятельстве. Первые годы после Октябрьской революции отличались от последующих. Тогда еще был жив дух интеллигентности, присущий многим участникам революции. Он питал дух научного поиска. Не только сторонники марксизма, но и его противники, в том числе, Виппер, Карсавин, Петрушевский, Кареев и др. могли публично высказывать тогда свои суждения, писать исследования, вести семинары. Это важно принять во внимание, чтобы понять преемственность поколений в нашей медиевистике.

Когда я в конце 1945 г. пришел учиться в Московский Университет, ни у кого не было сомнений, на какой кафедре сохранились хоть некоторые традиции настоящей науки – на кафедре истории средних веков. Среди сотрудников этой кафедры было несколько учеников Петрушевского, Виппера, Савина. Профессора этой кафедры знали не только работы русских дореволюционных медиевистов. Они стремились следить и за мировой наукой. Помню, с какой заинтересованностью обсуждали они в конце 40-х годов работу А. Делеажа, посвященную Бургони, последние работы М. Блока, А. Допша, А. Тойнби и др. Знакомства с западноевропейскими исследованиями требовали и от студентов. На семинарах этой кафедры продолжали штудировать и тексты источников – Цезаря и Тацита, «Историю» Григория Турского, «Салическую правду», «Саксонское зеркало», Сотенные свитки, хроники крестовых походов и т. д.

Увы, многие обычаи кафедры истории средних веков все чаще воспринимались на факультете как какой-то атавизм. И студенты, и преподаватели других кафедр взирали на это либо иронически, либо даже с осуждением.

Уже в 1947–1948 годах профессоров этой кафедры стали обвинять в «низкопоклонстве перед Западом», в «объективистском» (т. е. «не зашугательском») отношении к «буржуазной западной науке», в переоценке роли идей в истории, в недооценке роли производительных сил, в так называемом «юридизме», т. е. в излишнем внимании к формулировкам и терминам документов, и т. п. Над медиевистикой и над ее тогдашним научным цен-

¹³ См., например: *Dobiache-Rozhdestvensky O. La vie paroissiale en France au XIIIe siècle d'après les actes épiscopaux*, P., 1911; *Idem. Histoire de l'atelier graphique de Corbie de 651 à 830, reflétée dans les mss. de Leningrad*, Leningrad, 1934; *Idem. Les anciens manuscrits de la Bibliothèque Publique de Leningrad. T. I. Ve-VIIe siècles*. Leningrad, 1929; *Savine A. English Monasteries on the Eve of the Dissolution*. Oxford, 1909.

тром – кафедрой истории средних веков Московского университета – сгущались тучи.

Гром грянул в 1949 году. Ведущий профессор этой кафедры Александр Неусыхин был тогда обвинен в «объективизме» и космополитизме, а его коллеги и ученики – в терпимом ко всему подобному отношении.

Мне не очень легко объяснить сейчас, почему «космополитизм» мог стать предметом обвинения. Понять это можно лишь в рамках извращенной логики идеологического развития того времени. Это – особая тема, заслуживающая отдельного рассмотрения. Я отмечу сейчас лишь два момента.

Во-первых, космополитизм, в котором тогда обвиняли многих гуманитариев, не имел ничего общего с космополитизмом в собственном смысле слова. Космополитизм (точнее, «безродный космополитизм»), придуманный сталинскими идеологами конца 40-х годов, истолковывался ими как антипод патриотизма, как нечто, обязательно противоположное ему. Любое признание иноземных достижений считалось равносильным принижению всего советского. Фактически, это был воинствующий государственный шовинизм. Правящая элита пыталась таким образом подменить реальные общечеловеческие ценности, которых не хватало советским людям, утверждением идеологического превосходства всего советского.

Во-вторых, космополитизм в тогдашнем идеологическом лексиконе был эвфемизмом принадлежности к евреям. Абсолютное большинство тех, кто был объявлен космополитом, – это были люди, носившие еврейские (или вообще нерусские) фамилии. Борьба с космополитами была в этом смысле прикрытием антисемитской компании. Но и эта антисемитская кампания была лишь поводом для утверждения ксенофобии. С ее помощью власти пытались упрочить государственный «железный занавес» психологически. Воспитанием же ксенофобии рассчитывали прикрыть вопиющее отставание условий жизни советских людей.

Почему все эти идеи смогли получить широкое распространение, в том числе, в среде интеллигенции, я попытаюсь объяснить чуть позднее. Пока что же хочу вернуться к эпизоду с профессором Неусыхиным.

Повторю, это был один из любимейших профессоров на кафедре медиевистики. Его самоотверженность в работе со студентами и аспирантами стала притчей во языцех. Участники его семинаров получали очень хорошую исследовательскую школу. Неудивительно, что вокруг него сложилась весьма многочисленная плеяда учеников. Каково же было удивление, когда обвинение Неусыхина в космополитизме было выдвинуто и сформулировано его любимейшим учеником!...¹⁴

Эпизод с профессором Неусыхиным был, естественно, лишь одним из актов в истории советской медиевистики конца сороковых – начала пяти-

¹⁴ Речь идет о В. В. Дорошенко. – *О.Б.*

десятих годов. Почти одновременно были заменены заведующие кафедрами истории средних веков в Московском и Ленинградском университетах. Некоторые профессора были уволены. Была изменена программа ряда учебных курсов.

Для характеристики психологического климата того времени поучительно и еще одно обстоятельство. Довольно многим была очевидна надуманность обвинений против Неусыхина и других «космополитов» и «объективистов» – Гуковского, Лавровского, Петрушевского. Тем не менее, никто не выступал публично в их защиту.

Неслыханной смелостью был сочтен отказ группы студентов и аспирантов «осудить» на специально собранном собрании профессора Неусыхина. Когда же на одном из заседаний речь Неусыхина была покрыта аплодисментами, было учинено дознание, кто именно аплодировал ему. Осмелившиеся аплодировать были взяты на заметку и публично осуждены...¹⁵

Как и почему могло происходить подобное? Каким образом любимый ученик смог в одночасье превратиться в предателя? Отчего просвещенные профессора покорно молчали, покорно голосовали за осуждение своих же коллег?

Я поставил эти вопросы в применении к сравнительно скромным по масштабам эпизодам, свидетелем которых был я сам. Но ответить на эти вопросы можно лишь в гораздо более широких рамках. Здесь приходится принять во внимание трагические судьбы нашей интеллигенции в 20-е – 40-е годы. Об этом у нас сейчас много пишут. И я лишь обобщу кое-что из этого.

Дух интеллигентности, присущий поначалу многим участникам революции, в 20-е годы постепенно становился одиозным. Официальная пропаганда уже тогда стала отождествлять образ интеллигента с образом «хныкающего хлюпика». Интеллект и культура стали все реже упоминаться в числе необходимых достоинств. Насаждался культ праведника «от станка» или «от сохи». «Классовое чутье» изображалось как наивысшая добродетель.

Чтобы обладать таким чутьем была необходима не образованность, но, прежде, всего пролетарское происхождение. Возникло понятие привилегированного «благородства наоборот». В этом было естественное стремление реализовать революционный лозунг: «кто был ничем, тот станет всем». Но доведенная до логического конца, эта максима начинала работать против самой себя. Выработывался иммунитет к невежеству, к бескультурью, к

¹⁵ Речь идет о той самой группе студентов и аспирантов, в которую входил и сам Ю.Л., как и А. Я. Гуревич и др. На другом таком собрании Ю.Л. публично выступил в защиту Неусыхина. – *О.Б.*

примитиву. В число первейших достоинств выдвигается безгласное послушание¹⁶. Интеллигентность и образованность оказывались пороком.

Было бы неверным думать, что эта новая система ценностей сложилась сама собой. Начались открытые и скрытые преследования интеллигенции. Уже в 1922 г. без суда (административным решением) было выслано 160 непослушных представителей интеллигенции. Среди них был уже упоминавшийся мною медиевист (в ту пору – ректор Петроградского университета) – Лев Карсавин¹⁷. Это было лишь первым предостережением для непокорных. Через пару лет в Ленинграде был арестован и выслан Михаил Бахтин, автор широко ныне известной книги о Франции эпохи Рабле. Примерно тогда же эмигрировал из России Роберт Виппер. В конце двадцатых годов подвергся зубодробительной критике академик Дмитрий Петрушевский. Возглавлявшийся им Институт истории был закрыт. Его ближайший ученик – упоминавшийся мною только что Александр Неусыхин – был уволен; долгие годы он не имел работы по специальности. Ленинградские медиевисты – Н. Кареев и И. Гревс – хотя и сохранили профессорские должности, почти лишились возможности выступать в печати.

Положение стало еще более гнетущим в 30-е годы. Страх перед арестом и уничтожением сковывал умы и души. До какой степени невыносимой была атмосфера этого времени, показывает эпизод с одним из способнейших московских медиевистов. Не в силах жить под постоянной угрозой ареста, он сам явился в НКВД и просил арестовать его как «не-марксиста». Арестовывать его не стали, но до умопомешательства довели.

В этих условиях стало происходить и внутреннее перерождение интеллигенции. Из кодекса ее поведения исчезали свободомыслие, независимость, дух поиска, приобщенность к мировой культуре. Их место занимали духовная робость, угодничество, догматизм мышления.

События в медиевистике конца сороковых – начала пятидесятых годов не были таким образом случайностью. В них отражались общие особенности того времени. Их ближайшим результатом был глубокий спад науки. Число оригинальных исследований еще более сократилось. Публикация новых работ стала редкостью. Вакансии для молодых ученых не открывались. Талантливая молодежь была вынуждена либо уходить из медиевистики в новейшую историю, либо уезжать в провинцию. Но там для занятий западным средневековьем не было никаких возможностей.

¹⁶ Подобные метаморфозы затрагивали все сферы жизни. Они сказывались и в партии большевиков. С середины 20-х годов, после смерти Ленина, понятие «член партии» и «интеллигент» едва ли не противопоставляются. Это особенно усиливается с началом массовых сталинских «призывов» в партию. Уже в 1925 г. в партии было около 30 тысяч полностью неграмотных, которые не могли ни писать, ни читать. См. об этом подробнее в статье В. Костикова (Огонек, 1988, № 49).

¹⁷ См. подробнее: *Bessmertny Y. La vision...* P. 65. – *О.Б.*

Может быть, кому-то покажется, что эти мои экскурсии в 20–50-е годы имеют мало отношения к характеристике современной ситуации. Я, однако, убежден, что без таких экскурсов невозможно ни понять, ни оценить день сегодняшней. По этой причине я должен хоть кратко остановиться и еще на одном периоде из прошлого – на периоде так называемой оттепели, последовавшей после смерти Сталина и XX съезда КПСС.

Она продолжалась недолго – шесть-восемь лет, с конца пятидесятых годов. Но в судьбе советской медиевистики она сыграла немаловажную роль. В течение этих лет многое ожило. Страх отпустил людей. Возобновилось общение, развернулись дискуссии. Возродились надежды на будущее.

Ожила и медиевистика. Участились научные заседания. Увеличились возможности публикации. Расширились контакты научной молодежи с медиевистами старшего поколения. Особенно важно то, что хранители традиций подлинной науки сохранились к этому времени в медиевистике в большей мере, чем в большинстве других отраслей истории. (Я имею здесь в виду таких медиевистов старшего поколения, как все тот же А. А. Неусыхин, а также, С. Д. Сказкин, Е. А. Косминский, М. М. Смирин, М. Гурковский, А. Д. Люблинская)¹⁸. Вследствие этого советская медиевистика пережила в период оттепели относительно большее оживление, чем ряд других направлений. А это позволило ей сохранить хоть некоторую инерцию движения и в последующие 70–80-е годы.

Именно в период оттепели впервые заявили о себе тогда еще молодые советские медиевисты, получившие в дальнейшем более широкую известность. Назову, например, исследователя средневековой культуры – А. Гуревича, специалиста по Византии (эмигрировавшего потом в Соединенные Штаты) – А. Каждана, исследовательницу аграрной истории Италии – Л. Котельникову, историка итальянского Возрождения – Л. Баткина, специалиста по истории Англии – М. Барга, специалиста по истории Франции XV в. и знатока истории Жанны д'Арк – В. Райцеса.

В те же годы оттепели вышли переведенные затем на Западе работы историков старшего поколения – Косминского, Сказкина, Неусыхина, Люблинской, Б. Поршнева.¹⁹ Тогда же появился русский перевод книги

¹⁸ По большей части, это имена людей, у которых Ю.Л. учился. – О.Б.

¹⁹ *Kosminski E. A. Studies in the Agrarian History of England in the Thirteenth Century.* Oxford, 1965; *Idem. Peut-on considérer les XIVe et XVe siècles comme l'époque de la décadence de l'économie européenne? // Studi in onore di Armando Saporì.* Milan, 1957; *Skazkin S. Der Bauer in West Europa während der Epoche des Feudalismus.* Berlin, 1976; *Njeussychin A. Die Entstehung der abhängigen Bauernschaft als Klasse der frühfeudalen Gesellschaft in Westeuropa vom 6. bis 8. Jh.* Berlin, 1961; *Lublinskaya A. French Absolutism: The Crucial Phase, 1620–1629.* Cambridge, 1968; *Porchnev B. Les soulèvements populaires en France de 1623 à 1648.* P., 1963.

М. Блока «Характерные черты французской аграрной истории» (к сожалению, с очень странным предисловием).

Наконец, в те же годы оттепели началось создание трехтомной «Истории европейского крестьянства в средние века», увидевшего свет лишь в середине 80-х годов²⁰. Остановлюсь более подробно на этом издании. Его собственная история довольно поучительна. Она отражает и идейную эволюцию советской медиевистики, и превратности ее судьбы в шестидесятые-семидесятые годы.

Идея создать историю крестьянства в масштабах всей Европы, давно носилась у нас в воздухе. Для разработки такого труда у наших медиевистов того времени было сравнительно много оснований. Я уже упоминал о русской аграрной школе, сложившейся еще до революции. Традиции аграрных исследований лучше других сохранялись у нас и после революции. Именно в этой области работали наши старейшины – Петрушевский, Савин. Этим же занимались их ученики и ученики их учеников (Неусыхин, Сказкин, Косминский, Котельникова, Гуревич, Каждан, Корсунский, я сам и др.). Был накоплен известный исследовательский багаж и по аграрной истории стран Восточной Европы, включая Россию. Не приходится также забывать, что аграрные исследования привлекали в 50–60-е годы большое внимание и в мировой науке.

Но замысел общеевропейской истории средневекового крестьянства питался тогда у нас не только этими соками. Оттепель благоприятствовала возрождению духа поиска. В первую очередь он проявился в творчестве «молодых» медиевистов – тех, кому тогда было по 35–40 лет. Идея обобщающей истории крестьянства привлекала нас возможностью по-новому рассмотреть некоторые принципиальные вопросы.

Так, многих тяготила схематичность сложившегося у нас стереотипа объяснения истории. Исследовательский опыт убеждал в невозможности объяснить всю историю средневекового крестьянства развитием производительных сил. Мы искали более широкие, системные подходы. И в этих поисках, мы обращались, среди прочего, и к использованию структуралистских методов (как раз в те годы они широко обсуждались в ряде стран). Клод Леви-Стросс, с одной стороны, американец Толкот Парсонс, с другой, особенно часто привлекали наше внимание.

Никто из нас не сделался структуралистом. В целом, мы продолжали мыслить в марксистском духе. Но попытки уяснить многостороннюю

²⁰ История крестьянства в Европе. Т. 1. М., 1985; Т. 2–3, М., 1986. Ю.Л. был заместителем главного редактора этих трех томов и фактически «тянул на себе» это издание в течение многих лет, отдавая ему массу сил, энергии и эмоционального напряжения даже и тогда, когда его уже влекло к истории ментальностей и рыцарства. Особенно трудно «проходил» первый том, связанный с проблемой генезиса феодализма. – *О.Б.*

взаимосвязь разных элементов средневековой структуры нами предпринималась.

История средневекового крестьянства переставала в наших работах быть чисто экономической. Она приобретала и иные измерения. Высвечивалась сложная связь социальных градаций и их самостоятельная роль. Выявлялось глубокое своеобразие средневековых классов – и по сути, и по структуре, и по значению. Исследовалось многообразие внутрикрестьянских социальных групп, их различия, их функции. Подчеркивалась недостаточность понятия классовой борьбы для раскрытия смысла социальной борьбы крестьянства.

Предпринимались первые, правда, довольно, робкие, опыты понять своеобразие ментальных представлений; в частности, это касалось попыток понять социальную роль представлений о даре и отдаре. Новые ключи искали мы и для классификации и типологизации средневековых явлений и процессов; мы стремились расширить круг критериев при такой типологизации, в частности, за счет неэкономических компонентов в социальных отношениях.

Публикации по всем этим вопросам стали появляться с середины шестидесятых годов. Они были задуманы как подготовительные к обобщающему труду по крестьянству. К сожалению, обстановка в стране к этому времени уже изменилась. Оттепель кончилась.

Не приходится удивляться, что эти публикации были встречены резкой критикой. Рупором консерватизма оказался тогда Александр Данилов. В прошлом он тоже был учеником Неусыхина и давно знал каждого из нас. Но в конце шестидесятых – начале семидесятых годов он, как говорится, «вошел в обойму», стал функционером и даже был назначен министром просвещения.

Критика А. Данилова в адрес нескольких скромных медиевистов получила неожиданный резонанс. Его статья была перепечатана в центральном партийном журнале – «Коммунисте» (1968, № 5). Обосновывая свой критический запал, А. Данилов обвинял критикуемых им медиевистов в структурализме и «методологических ошибках».

Это выступление и его поддержка сверху фактически определила судьбу «Истории средневекового крестьянства». Работа над ней была свернута; медиевисты, наиболее активно участвовавшие в его подготовке – стали надолго *personae non gratae*. (В числе этих медиевистов были и Арон Гуревич, и Михаил Барг, и я).

Возобновить работу над этим изданием удалось лишь спустя многие годы. К тому времени, ряд авторов уже ушел из жизни. Среди оставшихся в строю не все сохранили прежние взгляды. Некоторые предпочли более спокойные традиционные решения. В результате, вышедший в 1985–1986 гг. трехтомник «История крестьянства в Европе» не вполне соответ-

ствовал первоначальному замыслу. Тем не менее, по своему содержанию он, на мой взгляд, заслуживает некоторого внимания.

Начну, во-первых, с того, что эта работа не является лишь компиляцией. В ней обобщены не только уже проделанные исследования; в нее вошли и некоторые новые материалы. В частности, в нее включено новое исследование духовной жизни Западной Европы (по пенитенциалиям, житиям, хроникам, трактатам и некоторым литературным сочинениям). В нее включены также результаты демографического анализа раннесредневекового периода, анализ концепции феодальной революции X–XI вв., новые исследования взаимоотношения городов и деревень и т.п.

Во-вторых, отличительную черту работы представляет историко-сравнительный анализ западноевропейского и восточноевропейского крестьянства.

В-третьих, в ряде разделов этого издания сформулированы некоторые нетривиальные для советской медиевистики концепционные решения. Так, генезис зависимого крестьянства не выводится, как раньше, лишь из «разорения» свободных. Он рассматривается как элемент очень сложного процесса. Здесь и подчинение со стороны королей, магнатов, судей, здесь и исконное неравноправие разных разрядов свободных, здесь и постепенное сближение этих свободных с древними рабами и колонами. Особое внимание уделяется при этом восприятию своей несвободы самими крестьянами.

Далее. В названном труде выдвигается новая концепция крестьянской общины. Идея преемственного сохранения общины со времен седой старины рассматривается как безосновательная. Процесс становления и укрепления общины характеризуется как параллельный с генезисом феодальной деревни и взаимосвязанный с ним.

Отсюда, однако, не следует, будто исходным пунктом аграрного развития нами признается частная собственность на землю. Нам хотелось бы выйти за пределы традиционной дихотомии «частная собственность» – «общинная собственность». На наш взгляд, в далекой древности у варварских народов Европы возможно вообще не существовало института собственности в позднейшем его понимании. Человек был столь органично включен тогда в природную среду, что не мог и помыслить ее отчуждения от себя. Земля принадлежала ему так же, как он ей. И потому земля не была тогда отделенным от человека объектом собственности. В этом смысле она вообще не была собственностью. Когда же – позднее – человек осознал себя как личность, началось параллельное формирование и частной собственности, и общинной собственности.

Базу этих гипотез составили наблюдения разного рода. Среди них – анализ не-латинских памятников (англо-саксонских, скандинавских), попытки нового прочтения ряда раннесредневековых латинских текстов, а также

данные, собранные рядом западных исследователей (в частности, наблюдения немецких археологов и историков права²¹).

Далее. В «Истории крестьянства» уделено специальное внимание содержанию понятий «свобода», «несвобода», «полусвобода», «зависимость», «серваж». Это позволило нам показать русскому читателю отличие несвободы средневековых крестьян Западной Европы от русского «крепостничества» восемнадцатого или девятнадцатого века.

В тоже время анализ текстов – например, текстов XIII в. – побудил нас высказать сомнение в полной обоснованности некоторых предлагавшихся в последние годы истолкований свободы, зависимости, серважа в средние века. Это касается, в частности, сближения серважа со средневековым «post-esclavage»²². Как мы пытались показать, серваж (например, во Франции рубежа XII–XIII вв.) не был равен ни «рабству», ни, наоборот, «полусвободе». В то время серваж и вилланство – это, скорее, лишь два противоположных полюса в общем состоянии несвободы. И для их адекватного истолкования очень важно учесть своеобразие их восприятия самими современниками²³.

То, что я уже сказал об «Истории крестьянства», позволяет сделать еще одно более общее наблюдение о нашей медиевистике. У части наших медиевистов давно уже нарастал интерес к проблемам восприятия людьми средневековья самих себя. Ярче всего этот интерес проявился в работах одного из авторов «Истории крестьянства» – московского исследователя Арона Гуревича. Его книги переведены теперь во всех странах Запада, включая и Францию. Так, книга «Категории средневековой культуры» вышла шесть лет тому назад в издательстве Gallimard с предисловием Ж. Дюби. Я не буду поэтому останавливаться на этом труде. Скажу лишь, что он и у нас привлекал внимание всех творчески мыслящих медиевистов (да и историков других специальностей). Это же касается и следующей книги Гуревича «Проблемы народной культуры». Ее перевод уже опубликован в Соединенных Штатах. В ближайшие недели в Москве выйдет новая работа Гуревича: «Средневековое общество глазами современников. Exempla XIII века»²⁴.

²¹ См., например: *Janssen W. Mittelalterliche Dorfsiedlungen als archaologischen Problem // Frühmittelalterliche Studien*, 2, 1968; *Bader K. S. Dorfgemeinschaft und Dorfgemeinde*, Weimar, 1962. Подробную библиографию см.: *История крестьянства в Европе*. М., 1985. Т. 1. С. 570–608.

²² *Faussier R. Enfance de l'Europe*. P., 1982. P. 577.

²³ Примечание Ю.Л. на полях рукописи: «Своеобычие! Неповторимость социальных статусов, их несводимость к нашим понятиям». – *О.Б.*

²⁴ Во французском издании Ю.Л. упоминает две уже вышедших тогда книги А. Я. Гуревича «Культура и общество средневековой Европы глазами современников (Exempla XIII в.)» (М., 1989) и «Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства» (М., 1990).

К сожалению, до самого недавнего времени – до прошлого года! – А. Гуревич встречал большее понимание в научных кругах за границей, чем у руководителей наших научных учреждений. Ему не давали преподавать в университете, он не имел аспирантов, ему не позволяли участвовать в международных конференциях. Сейчас все это, слава Богу, позади. Этот талантливый историк получил, наконец, необходимые возможности для нормальной работы. В настоящее время он находится в длительной командировке в *Getty Center* в Калифорнии. Насколько мне известно, он готовит сейчас работы о средневековой ментальности, а также о современном состоянии так называемой «социальной истории» средневековья и начала нового времени.

Школа Гуревича, на мой взгляд, едва ли не самая интересная из тех медиэвистических школ, которые получили свободу развития со времени перестройки. Обзор этих школ мне хотелось бы поэтому начать именно с нее.

В центре исследований Гуревича – рядовой средневековый человек. Чтобы понять его, Гуревич хочет прежде всего уяснить стереотипы его сознания и поведения. Насколько трудна эта задача, знают все специалисты. Чтобы преодолеть лаконичность источников, Гуревич использует оригинальную исследовательскую методику. Он обращается к типовым назидательным сочинениям. Как известно, средневековье оставило нам многие десятки трудов, написанных в поучение мирянам. Один только перечень жанров этих трудов достаточно внушителен. Здесь и жития, и поучительные «*exempla*», и описания «чудес» (*miracula*), и повествования о видениях потустороннего мира (*Visiones*), и популярные богословские трактаты, и формулы церковных благословений, и тексты проповедей. Все эти тексты не раз привлекали внимание исследователей истории церкви. Гуревич исследовал их на иной предмет. Он стремился вычленив в дидактической христианской литературе специфический пласт представлений и формул – тот, который был включен в нее на потребу рядового мирянина. Ведь церковный писатель не мог не держать перед мысленным взором своего читателя или слушателя. В сочинении, ориентированном на рядового прихожанина, клирик вольно или невольно принаравливался к лексике этого прихожанина, к знакомым ему (рядовому прихожанину) образам и представлениям. Более того, автор такого сочинения мог специально заострять внимание на ситуациях, особенно беспокоивших его в обыденном поведении мирян. Всем этим стремится воспользоваться Гуревич. В дидактических церковных текстах он пытается услышать подспудный *диалог* церкви с прихожанами. Этот-то скрытый диалог и используется для восстановления миропонимания «молчаливого большинства» средневековых людей.

Гуревич выявляет, анализирует и сопоставляет их мироощущения. Многие из них не сформулированы явно, не высказаны эксплицитно, может

быть, даже не осознаны. Но именно они создают базу для воспроизведения «картины мира» простых людей средневековья. Идя этим путем, Гуревич надеется глубже понять и средневекового человека вообще и «механику» общественного бытия в целом. Он исходит при этом из того, что любые импульсы делаются пружинами общественного движения лишь преломившись через призму человеческого сознания. А угол этого преломления зависит от структуры этого сознания, от ментальных стереотипов, от принятого видения мира. В этом смысле Гуревич считает изучение ментальных структур краеугольным камнем исторического синтеза. Этот подход А. Гуревича имеет немало общего с подходом ряда французских медиевистов и в первую очередь с подходами Ж. Дюби и Ж. Ле Гоффа. Однако отождествлять их нет оснований.

О конкретном содержании работ Гуревича я, к сожалению, не имею сейчас возможности говорить. Скажу лишь, что книги и статьи моего коллеги и друга мне самому представляются очень интересными и плодотворными. Они пользуются у нас сейчас огромным успехом, их покупают нарасхват. Это разумеется не означает, что работы Гуревича не порождают споров. Не буду останавливаться на критических соображениях, уже высказанных в адрес концепции Гуревича профессором Дюби (в предисловии к «*Categories de la culture medievale*»). Сосредоточусь на дискуссиях, которые идут в нашей собственной среде. В этих дискуссиях вопросы изучения самосознания людей средневековья рассматриваются подчас вместе в более общих вопросах исторического познания.

В спорах о концепции Гуревича и развернувшихся в связи с этим исследованиях можно выделить две-три тенденции. Первая из них характеризуется акцентом на необходимость больше, чем это делает Гуревич, учитывать изменчивость и многообразие средневековой ментальности. Вторая тенденция предполагает использование иных, чем у Гуревича, путей познания средневековой культуры. Третья тенденция – это попытка увидеть в изучении ментальности и культуры лишь вспомогательное (или даже второстепенное) средство исторического познания.

Остановлюсь подробнее на каждой из этих тенденций. Именно они ярче всего, на мой взгляд, характеризуют сегодняшний день нашей медиевистики.

К первому из этих направлений, наиболее близкому к Гуревичу, я отнес бы своих ближайших коллег и самого себя. Мы разделяем многие исходные позиции Гуревича. Однако, как я уже сказал, нам кажется принципиально важным выявлять особенности и различия ментальных структур у разных социальных групп и в разные периоды. К этой мысли меня привели, в частности, исследования по истории французской знати и рыцарства.

Несколько опубликованных работ на эту тему²⁵ дают мне основания включить краткий «автореферат» по этому сюжету в сегодняшний обзор.

Как известно, французское рыцарство не может пожаловаться на невнимание историков. Его не раз изучали и в далеком, и в недавнем прошлом. Из недавних работ особенно привлекают книги Ж. Дюби. В них, в частности, отмечалась противоречивость самого понятия рыцарства. Особенно ясно Ж. Дюби говорит об этом в книге «*Les trois ordres ou l'imaginaire du féodalisme à la fin du XIIe siècle*». Как отмечается в этой работе, в конце XII в., т.е. в пору расцвета рыцарства, во Франции существовало как бы два различных образа рыцарства. У авторов рыцарских романов рыцарство, говоря словами Дюби, это «архитектурное украшение социального здания», оно – олицетворение всевозможных достоинств. В действительности же, подчеркивает Дюби, «рыцарство попрошайничает, раболепствует, охотится за подарками и жалованием». Иными словами, по мнению Дюби, рыцарские достоинства существовали лишь в мире воображения; это было лишь средство внутреннего сплочения рыцарства перед натиском *парвеню*²⁶.

Все это так. Но можно ли поставить здесь точку? Ведь мир воображения, в котором существовали эти рыцарские достоинства, – тоже некоторая реальность. Именно к нему принадлежали ментальные структуры. Именно с ним коррелирует восприятие современников. (Как известно, люди далеко не всегда поступают в соответствии с «объективной реальностью». Гораздо чаще они ориентируются лишь на образ этой реальности, который сложился в их головах).

Все это объясняет мой специальный интерес к восприятию рыцарства XII–XIII вв. самими его современниками. Вместе со своими учениками я пытаюсь восстановить это восприятие. Мы изучаем французские кутюмы и Иерусалимские ассизы, «*Summae confessorum*» и пенитенциальные книги.

²⁵ *Bessmertny Y. L. North-French Noblesse in the late 12-th to early 14-th centuries. // Studi in memoria di Federigo Melis. Vol. 1, Napoli, 1978* (это переработанный перевод ст.: Некоторые проблемы истории дворянства в Северной Франции конца XII–начала XIV вв. // ФЕ 1966. М., 1967. – О.Б.); *Bessmertny Y. Le monde vu par une femme noble au IXe siècle. La perception du monde dans l'aristocratie carolingienne // Le Moyene Age. 1987. № 2* (русск. изд.: Мир глазами знатной женщины IX в. (К изучению мировосприятия каролингской знати). // Художественный язык средневековья. М., 1982 – О.Б.); Крестьянин глазами рыцаря (по материалам Франции XI–XIII вв.) // Культура и общественная мысль. М., 1988 (впоследствии эта статья была опубликована и по-французски: *Le paysan vu par le seigneur: la France des XI–XII siècles // Campagnes médiévales: l'homme et son espace. P., 1995. – О.Б.*); Идеология, культура и социально-культурные представления средневековья в современной западной медиевистике (в соавт. с А. Я. Гуревичем) // Идеология феодального общества в Западной Европе. М., 1980.

²⁶ *Les trois ordres... P., 1978. P. 343, 389–90.*

Мы сравниваем разные Жесты, разные рыцарские романы, разные фаблю. Работа далеко не закончена. Но с одним наблюдением мне приходится сталкиваться все чаще. Сколько бы тысяч раз не нарушались рыцарские идеалы, для современников они оставались мерилom чести. Несоблюдение этих идеалов не подрывало их притягательности. Они смогли поэтому наложить мощный отпечаток на формирование представлений о высоком, о должном, о чести, о достоинстве личности. Это не были элементы всеобщей модели мира, всеобщей ментальности. Они характеризовали восприятие лишь части социальной верхушки. В разные периоды они действовали с разной интенсивностью. Тем не менее, хоть в какой-то мере их отблеск был заметен всюду и везде.

Более конкретно некоторые черты восприятия рыцарства были рассмотрены мною на примере его воззрений на народ – на крестьян, на купцов, на горожан. Я сопоставлял эти рыцарские воззрения в течение двух периодов: XI–XII вв. (до 80-х годов XII в.) и конца XII – первой половины XIII вв. Я старался использовать показания разных источников – и юридических, и литературных²⁷,

Наблюдения, которые мне удалось сделать, достаточно скромны. Тем не менее, как мне кажется, они свидетельствуют о довольно определенных изменениях в восприятии рыцарством окружающих их социальных групп. Так, на рубеже XI–XII вв. крестьянин вызывал у мелкого или среднего рыцаря относительно меньшее неприятие, чем купец. И сам крестьянин, и его хозяйственная деятельность имели в глазах рыцаря свое оправдание. Отношение к ним характеризовалось поэтому некоторой сдержанностью. Это отразилось даже в казуальных текстах.

В отличие от этого купец воспринимался мелким рыцарем в этот ранний период, прежде всего, как своего рода «подарок судьбы», как «случайный выигрыш». Поживиться за его счет казалось совершенно естественным. Почти всякая сдержанность здесь отсутствовала. Это видно и по клятвам о соблюдении *Treuga Dei*, и по *Chansons de Geste*, и по Хроникам.

Через 100 лет после этого – на рубеже XII–XIII вв. – ситуация заметно меняется. Теперь и зажиточный крестьянин, и богатый горожанин воспринимаются рыцарем, прежде всего, как политические соперники и, кроме того, как выскочки. Оба они вызывают ненависть рядового рыцаря, так как угрожают его политической монополии. Однако ненависть к богатому го-

²⁷ Как известно, использование литературных источников – *Chansons de geste* и рыцарских романов – нередко вызывает возражения. Не без оснований подчеркивается, что в литературе нельзя видеть «отражение действительности». В связи с этим хотел бы заметить следующее. Я смотрю на литературные тексты, как на способ познания лишь одного элемента действительности – а именно, ментальности. В ее изучении литературный текст может, как мне кажется, сыграть свою роль. В нем не могут не сказаться настроения или чаяния современников.

рожанину, или купцу сочетается ныне с подспудным признанием его возросшего социального престижа. Ведь сила денег купца-горожанина подкрепляется авторитетом городской власти. Иное дело мужик. Даже по отношению к богатому виллану рыцарь-сеньор продолжает чувствовать себя непосредственным господином. Претензии вилланов на социально-политическую автономию лишь увеличивают ненависть и презрение к ним со стороны рыцарства. Отсюда постепенно нарастающее противопоставление купца и крестьянина и опускание мужика в глазах рыцаря.

Эти изменения в восприятии рыцарем окружавших его социальных персонажей составляют, конечно, лишь малую толику в эволюции имиджа рыцаря. Тем не менее, они заслуживают некоторого внимания: они выявляют почти непрерывную изменчивость социальных представлений. Меняется восприятие мира. Меняется видение мира. Меняются психологические реакции людей. Ментальные структуры обнаруживают таким образом свое непостоянство, свою изменчивость. Конкретное изучение этих изменений позволяет столь же конкретно проследить взаимосвязь изменений в сознании и изменений в социальных отношениях.

Как я уже отмечал, именно возможность увязать историю общества и культуры составляет одну из привлекательных сторон метода Арона Гуревича. Возможности этого метода обсуждаются у нас сегодня и в ином ключе, чем я это только что делал.

Я перехожу здесь ко второму из названных мною направлений в изучении средневековой культуры. Ярче всего эта вторая тенденция проявилась в работах Леонида Баткина (специалиста по истории средневековой культуры и культуры Возрождения). Несколько месяцев назад в Италии в издательстве *Laterza* вышла его книга о Леонардо да Винчи. Его взгляды изложены там особенно ясно.

С его точки зрения средневековая Европа, в том, что касается ментальности, в чем-то напоминает традиционные общества Востока: в ней господствует ориентация на принятые образцы поведения. Средневековая ментальность – это прежде всего набор таких образцов. Положение коренным образом изменяется в эпоху Ренессанса. Ориентация на «образцы» сходит на нет. Возникает принципиально новый тип культуры. Ценностью становится лишь уникальное. Эту новую культуру, считает Баткин, необходимо и изучать по-новому. Главное здесь не в том, чтобы увидеть сходство с чем-то уже существовавшим. Главное здесь – в уникальном прочтении уникального текста. Историк культуры в данном случае должен, по мнению Баткина, видеть в каждом тексте уникальный тигель, в котором всякий раз заново переплавляются стереотипы культуры.

Этот подход, считает Баткин, может и должен быть применен и к средневековой культуре. В ней надо, по его мнению, искать не только (и не столько) ментальные стереотипы. В ней важнее исследовать уникальные

тексты и столь же неповторимые обстоятельства их появления. Именно этим путем можно, по мысли Л. Баткина, уловить «смысловое движение» в «стоячей воде» средневековой ментальности. Это-то движение меняет в конечном счете и всю средневековую культуру.

Есть у нас, как я уже говорил, и еще одна – третья – тенденция в подходе к средневековой ментальности и культуре. Я позволил бы себе назвать ее консервативной. Ее сторонники отстаивают давно укоренившийся у нас взгляд. Суть его – в самодостаточности для понимания средневековья его социально-экономического анализа. Культуре отводится при таком подходе роль «надстройки». За ней признается преимущественно лишь «обратное» влияние. Роль индивида сводится при этом к роли пассивного получателя социальных импульсов от общественной структуры.

На мой взгляд, столкновение в нашей науке разных тенденций в изучении средневекового человека и средневековой культуры довольно поучительно. Оно до некоторой степени напоминает столкновение мнений в современном обществе. Спор идет о способности отказаться от привычных догм.

У нас горячо обсуждается сейчас проблема возрождения личности. Люди с жадностью ищут правды о прошлом. В этих поисках они бросают взор и на медиевистов. В их работах читающую публику влечет непредвзятый рассказ о людях давно исчезнувшего мира. Судьбы этих людей, их скованность традиционными представлениями и их борение за свободу духа и тела не могут не возбуждать интереса. И потому дискуссии между медиевистами органично смыкаются с общественно-политическими дискуссиями в нашем обществе.

Одним из частных подтверждений этого служит судьба одного нового нашего издания. «Одиссей» – так называется ежегодник по социальной и культурной истории, который выйдет в конце этого года. Его редактируют А. Гуревич и я. И хотя до выхода этого ежегодника еще несколько месяцев, интерес к нему превзошел все наши ожидания.

В этом интересе к каждому свежему слову мне хотелось бы видеть добрый знак – знак пробуждения.

Список сокращений

ВИ – Вопросы истории

НиНИ – Новая и новейшая история

ФЕ – Французский ежегодник

AHRF – Annales historiques de la Révolution française

Annales – Annales: Économies. Sociétés. Civilisations. С 1994 года – Annales: Histoire, Sciences sociales.